

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

УДК 343.9:008+719

Майоров А. В.

ФЕНОМЕН РЕЙДЕРСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен рейдерства применительно к объектам культурного наследия как самостоятельная криминологическая и социокультурная проблема. Отмечается, что если традиционное рейдерство связано с захватом предприятий, то в сфере культуры оно приобретает специфические формы: вытеснение общественных музеев, оспаривание прав на исторические здания, «легализация» незаконной приватизации памятников через судебные механизмы, а также прямое физическое завладение культурными ценностями. Автор анализирует как «легальные», квазиправовые формы рейдерства, так и его насильственные проявления, включая вооружённые нападения на музеи и политически мотивированное завладение археологическим наследием. Делается вывод о необходимости разграничения рейдерства в сфере культуры и смежных явлений — «предации наследия» и военных преступлений против культурных ценностей. Вносит предложение о понятии рейдерства в сфере культурных ценностей, под которым предлагает понимать совокупность противоправных и (или) формально законных действий, направленных на установление контроля над объектами культурного наследия, коллекциями или произведениями искусства вопреки воле правообладателя и в ущерб общественным интересам, совершаемых с использованием юридических, административных, силовых и коррупционных механизмов.

Ключевые слова: культурные ценности, рейдерский захват, социальное управление, криминологическая характеристика, этнокультурная идентичность, правовая защита, рейдерство, культурное наследие, предача наследия, криминология культуры, охрана культурного наследия

Для цитирования: Майоров А. В. Феномен рейдерства в сфере культурных ценностей // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 100–108. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

100

Mayorov A. V.

THE PHENOMENON OF CORPORATE RAIDING IN THE SPHERE OF CULTURAL ASSETS

Abstract. The article examines the phenomenon of corporate raiding (hostile takeovers) as applied to cultural heritage sites, treating it as a distinct criminological and sociocultural issue. It notes that while traditional raiding involves the takeover of business enterprises, in the cultural sphere it assumes specific forms: the displacement of public museums, challenges to ownership rights over historic buildings, the “legalization” of the illicit privatization of monuments through judicial mechanisms, and the direct physical seizure of cultural assets. The author analyzes both “legal” or quasi-legal forms of raiding and its violent manifestations, including armed attacks on museums and the politically motivated seizure of archaeological heritage. The article concludes that it is neces-

sary to distinguish raiding in the cultural sphere from related phenomena such as “heritage predation” and war crimes against cultural property. It proposes a definition of raiding in the sphere of cultural assets as a set of unlawful and/or formally legal actions aimed at establishing control over cultural heritage sites, collections, or works of art — against the will of the rights holder and to the detriment of the public interest — carried out using legal, administrative, coercive, and corrupt mechanisms.

Keywords: cultural assets, hostile takeover, social management, criminological characteristics, ethnocultural identity, legal protection, raiding, cultural heritage, heritage predation, cultural criminology, cultural heritage preservation

For citation: Mayorov A. V. The Phenomenon of Corporate Raiding in the Sphere of Cultural Assets. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 100–108. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что культурные ценности выступают неотъемлемым элементом национальной безопасности и социальной устойчивости. Культурные ценности народов представляют собой уникальное достояние, формирующее этнокультурную идентичность, историческую память и духовный потенциал нации. В этой связи культурные ценности находятся под охраной государства от всевозможных видов преступного посягательства.

В зарубежной литературе можно встретить такие виды преступлений как *Art Crime* — «преступления в сфере искусства», которые включают кражу, подделку, вандализм, незаконные раскопки и вывоз древностей [1; 2], а также *Heritage Crime* — «преступления против наследия», которые наносят вред, не только объектам, но и их ценности для нынешних и будущих поколений [3; 5; 7]. Сюда относится широкий спектр преступных действий, способных привести к повреждению объектов, представляющих историческую ценность, и к безвозвратной утрате наследия (умышленное повреждение имущества / нанесение граффити, незаконный поиск с металлоискателем; кража металла, исторических или культурных артефактов и предметов искусства, поджог, самовольная застройка или земляные работы, повреждение транспортными средствами и др.)¹.

Отечественные ученые рассматривают охрану культурного наследия через анализ преступлений против культурных ценностей, при этом российское уголовное законодательство содержит ряд норм, направленных на регулирование общественных отношений в данной сфере.

¹ См.: <https://www.dorset.police.uk/police-forces/dorset-police/areas/campaigns/campaigns/heritage-crime/> (дата обращения: 26.08.2026).

Однако в современном мире культурные ценности все чаще становятся объектом противоправных посягательств, принимающих форму рейдерских захватов. Речь идет о захвате/присвоении объектов культурного наследия, произведений искусства, музейных коллекций, храмовых ценностей с использованием юридических, силовых и коррупционных механизмов — то есть по схеме, типологически близкой к рейдерству. Данное явление выходит за рамки традиционного понимания рейдерства как экономического преступления, приобретая ярко выраженный социокультурный характер.

Термин «рейдерство» вошел в российский публичный и научный оборот в 1990-е — 2000-е годы для описания практик недружественного поглощения предприятий, нередко сопряженных с подделкой документов, корпоративными конфликтами и использованием административного ресурса [9; 10]. Однако постепенно исследователи и практики начали фиксировать перенос рейдерских технологий в принципиально иную сферу — культуру и охрану наследия. Здесь объектом посягательства становятся не производственные активы, а исторические здания, музейные коллекции, архивы и даже нематериальные ценности, связанные с идентичностью сообществ.

Безусловно, актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в России и странах постсоветского пространства накоплен значительный эмпирический материал, свидетельствующий о систематическом использовании юридических и административных инструментов для вытеснения общественных организаций из исторических зданий и завладения культурными ценностями. Во-вторых, на глобальном уровне наблюдается рост насильственных посягательств

на музеи, что меняет криминологический профиль преступности в сфере культуры. В-третьих, международное право постепенно формирует нормативную рамку для квалификации подобных деяний, однако «мирное» рейдерство остается в значительной степени вне поля уголовно-правового реагирования.

Рейдерство как социальный феномен и его криминологическая характеристика

Исследование рейдерства как социального феномена позволяет выделить его причины, механизмы и последствия. Л. А. Скиданова в своих работах акцентирует внимание на социальных причинах возникновения рейдерства в России, а также на особенностях менталитета российского общества, способствующих формированию и разрастанию этого явления [13]. В этом контексте рейдерство предстает не просто как экономическое преступление, а как сложный социальный конструкт, укорененный в определенных общественных отношениях и ценностных установках.

Так, В. М. Кочедыкова в своей работе выделяет факторы, детерминирующие рейдерскую деятельность, среди которых: «несовершенство правовой системы, коррупционные проявления, экономическая нестабильность, а также особенности правосознания и правовой культуры населения» [10, с. 367]. Особого внимания заслуживает вывод указанного автора о том, что «рейдерство требует внимательного изучения, поскольку оно не только угрожает отдельным предприятиям, но и ставит под опасность устойчивость всей экономики страны» [8, с. 51].

Применительно к культурным ценностям, к указанным факторам добавляются специфические обстоятельства:

- 1) отсутствие эффективной системы учета и мониторинга культурных ценностей, особенно в труднодоступных регионах;
- 2) низкая правовая грамотность представителей малочисленных народов в вопросах защиты своих культурных прав;
- 3) коррупционная составляющая, позволяющая оформлять права на культурные объекты через подложные документы;
- 4) несовершенство законодательства о культурных ценностях, создающее препоны для противоправных действий [12].

Понятие рейдерства в сфере культуры: попытка концептуализации

Классическое рейдерство предполагает завладение контролем над юридическим лицом или его активами вопреки воле

собственника. Перенос этого понятия в сферу культуры требует уточнения, поскольку культурные институции часто имеют некоммерческий статус, а их «активы» — памятники, коллекции, здания — обладают публичной значимостью, выходящей за рамки рыночной стоимости.

Рейдерство в сфере культурного наследия можно определить как совокупность практик, направленных на установление контроля над материальными и нематериальными культурными ценностями, историческими зданиями или институциями культуры с использованием правовых, административных или силовых механизмов, не соответствующих действительной воле и интересам законных владельцев и (или) публичному назначению этих объектов.

Принципиальное отличие от традиционного корпоративного рейдерства состоит в том, что конечная цель не всегда сводится к извлечению прибыли. Мотивация может включать:

- 1) *экономические интересы* — коммерческое использование исторической недвижимости в престижных локациях;
- 2) *политические интересы* — установление контроля над символически значимыми институциями и нарративами;
- 3) *идеологические интересы* — вытеснение нелояльных или неудобных культурных акторов;
- 4) *личные интересы* — перераспределение коллекций и архивов в пользу аффилированных структур.

Последнее принципиально важно для понимания социокультурного измерения рейдерства: культурное наследие обладает не только утилитарной, но и идентитарной ценностью. Завладение им — это не только перераспределение материальных благ, но и перераспределение символического капитала и права на «интерпретацию прошлого».

При этом рейдерство в сфере культурных ценностей следует отграничивать от смежных понятий, образующих составы преступлений:

- 1) хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ);
- 2) уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ);
- 3) «черное копательство» — незаконный поиск и изъятие археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ);
- 4) Обычное мошенничество с культурными ценностями (ст. 159 УК РФ).

Ключевое отличие от указанных деяний — цель установления долговременно-

го контроля над объектом [9, с. 72], а не разовое завладение, и использование формально легальных процедур (смена собственника, передача в безвозмездное пользование, «реставрация» с последующей приватизацией и т. п.).

Первое и ключевое разграничение необходимо провести между рейдерством в сфере культурных ценностей и хищением предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ). Несмотря на внешнее сходство предмета посягательства (уникальные объекты культуры), различаются цели и механизм деяния. Хищение предполагает разовый, одномоментный акт изъятия имущества из владения собственника с корыстной целью обращения его в свою пользу или пользу третьих лиц. Рейдерство же, даже если конечная цель корыстна, направлено на установление долговременного контроля над объектом или организацией, которая им управляет. Рейдер не просто крадет картину — он стремится получить юридические основания для владения ею, легализовать контроль через судебные решения, регистрационные записи или банкротные процедуры. Хищение — это «изъятие», рейдерство — «поглощение» с приданием видимости законности.

Второе важное разграничение касается уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ). Данный состав наказывает за физическое воздействие на памятники, влекущее их утрату или повреждение. Рейдерство в сфере культуры, как правило, не ставит целью физическое разрушение объекта — уничтоженный памятник теряет коммерческую и юридическую привлекательность. Напротив, рейдер заинтересован в сохранении объекта в неизменном виде, поскольку его ценность и есть предмет захвата. Если разрушение и происходит, то оно является либо следствием «реставрации» под видом легальных работ, либо побочным результатом смены собственника, но не самостоятельной целью деяния. Разграничение здесь проходит по субъективной стороне: для ст. 243 УК РФ характерен умысел на уничтожение или повреждение, для рейдерства — умысел на завладение и контроль [9, с. 72].

Третье разграничение — с незаконным поиском и изъятием археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ), известным как «черное копательство». Данный состав криминализует извлечение археологических предметов из места залегания без

разрешения. Рейдерство в сфере культуры — качественно иной феномен. «Черный копатель» действует на «нулевой» стадии, когда объекта как юридической единицы еще не существует (он не зарегистрирован, не поставлен на учет, не включен в музейный фонд). Рейдер же атакует уже существующий, легализованный объект — музей, усадьбу, коллекцию, храм, — используя пробелы в корпоративном, гражданском или административном праве. «Черный копатель» извлекает ценность из земли; рейдер — извлекает ценность из юридической формы.

Наконец, необходимо отграничить рейдерство от мошенничества (ст. 159 УК РФ) и самоуправства (ст. 330 УК РФ), которые, как показывает судебная практика, чаще всего используются для квалификации рейдерских действий. Проблема в том, что рейдерство «растворяется» в этих составах, теряя свою специфику. Мошенничество — это хищение путем обмана или злоупотребления доверием; самоуправство — самовольное, вопреки установленному порядку, осуществление своего действительного или предполагаемого права. Рейдерство же может включать и то, и другое, но не сводится к ним. Его отличительная черта — системность и использование корпоративных процедур: фальсификация решений собраний, внесение недостоверных сведений в реестры, инициирование банкротства, подделка документов [9, с. 72]. Если мошенник обманывает собственника, чтобы тот сам передал имущество, то рейдер обманывает государство и третьих лиц, создавая видимость законного перехода прав. Это не единичный обман, а «юридическая инженерия»², направленная на создание параллельной реальности, в которой захватчик выглядит законным владельцем.

Формы рейдерства в сфере наследия

Анализируя ситуации, связанные с переходом права управления и установления контроля над культурными ценностями, следует выделить ряд форм: квазиправовые, насильственные и полунасильственные, а также политически мотивированное рейдерство.

Квазиправовые формы

Наиболее распространенная в российском контексте форма — использование

² Юридическая инженерия — это подход на стыке юриспруденции, технологий и системного анализа, который занимается проектированием, оптимизацией и цифровизацией юридических процессов.

судебных и административных механизмов для вытеснения законных пользователей из исторических зданий. Показателен в этом отношении спор вокруг Дворца труда (Николаевского дворца) в Санкт-Петербурге, переданного в оперативное управление петербургскому Дому музыки. Ленинградская федерация профсоюзов, лишившаяся здания по иску Генеральной прокуратуры, характеризует ситуацию как «рейдерский захват» и ссылается на документы советского периода, включая декрет Ленина. Суды последовательно отклонили апелляции профсоюзов, обосновывая решения тем, что государство как собственник вправе распоряжаться имуществом. Юристы ЛФП, в свою очередь, указывают на сомнительность акта приема-передачи и процессуальные нарушения³.

Другой пример — выселение Международного центра Рерихов из усадьбы Лопухиных в Москве по иску Музея Востока. В МЦР заявили о «последовательном рейдерском захвате усадьбы Лопухиных и наследия Рерихов», подчёркивая, что наследие передавалось в Россию Святославом Рерихом именно под создание общественного музея в этом здании⁴. Показательно, что выселению предшествовали обыски и изъятие картин в рамках уголовного дела о мошенничестве, возбужденного в отношении финансировавшего МЦР банкира⁵.

Общая схема квазиправового рейдерства в сфере наследия включает несколько элементов:

- 1) выявление «привлекательного» объекта — исторического здания в престижной локации или коллекции, имеющей рыночную ценность;
- 2) поиск формальных оснований для оспаривания прав пользователя или собственника;
- 3) использование административного ресурса и судебной системы;
- 4) перераспределение актива в пользу структуры, аффилированной с интересантами;
- 5) легитимация результата через ссылки на «интересы государства» или «сохранение наследия».

³ См.: Имущество сменило дирижера // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8141151#1> (дата обращения: 25.08.2026).

⁴ Центр Рерихов выселили из усадьбы Лопухиной // URL: <https://dnpr.news/news/zemlya-pod-kurganami-podgorodnogo-v-chastnyh-rukah-chto-budet-s-kulturnym-naslediem-nacionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 25.08.2026).

⁵ Там же.

Насильственные и полунасильственные формы

Если квазиправовое рейдерство развивается преимущественно в судах и кабинетах, то насильственные формы предполагают прямое физическое завладение. Примером такой формы рейдерства в сфере культурных ценностей может служить информация из открытых зарубежных источников. Так, например, Europol фиксирует тревожную тенденцию: «музейные ограбления всё чаще совершаются с применением насилия — огнестрельного оружия, кувалд, топоров и взрывчатки. В 2024 году вооруженные преступники ворвались в музей Cognacq-Jay в Париже и похитили ювелирные изделия; в 2025 году было совершено нападение на Лувр с угрозами охране и посетителям»⁶. Europol отмечает, что «если традиционные торговцы культурными ценностями избегали насилия, то новые криминальные сети, вовлечённые в музейные ограбления, часто имеют «историю участия в других видах преступности» и координируются *ad hoc* через социальные сети»⁷. Это меняет криминологический профиль: насилие становится не аномалией, а инструментом. Подобного рода ситуации отсутствуют в открытых источниках по отношению к культурным ценностям нашей страны, но не указывают на их полное отсутствие.

Политически мотивированное рейдерство

Наиболее сложным для квалификации является завладение культурным наследием, мотивированное политическими целями. Концепция «предации наследия» (*heritage predation*), предложенная в академической литературе, описывает использование (эксплуатацию) культурных ресурсов в политических целях — от присвоения символов прошлого до целенаправленного изменения или уничтожения культурного ландшафта [4]. В отличие от рейдерства в узком смысле, предация может осуществляться государственными акторами и не предполагать извлечения прямой коммерческой выгоды.

⁶ См.: Guns, axes, explosives: violent museum heists are on the rise, says Europol // The Guardian. 2026. 23 August. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2026/aug/24/violent-museum-robberies-europol-report#1> (дата обращения: 25.08.2026).

⁷ Growing use of force: Museums warned of rise in violent heists // Museums Association. 2026. 24 August. URL: <https://www.museumsassociation.org/museums-journal/news/2026/08/growing-use-of-force-museums-warned-of-rise-in-violent-heists/#respond> (дата обращения: 25.08.2026).

Примером может служить ситуация во-круг археологических раскопок в Крыму после 2014 года. «Российский археолог А. Бутягин был задержан в Польше по запросу Украины, обвинившей его в незаконных раскопках и присвоении артефактов, включая золотые монеты с именем Александра Македонского. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский охарактеризовал задержание как часть «политической кампании» и систему «похищений, манипуляций, шантажа и лжи», заменившую нормальные судебные процедуры. Украинская сторона, в свою очередь, настаивает, что археология не существует вне правовых рамок, а культурное наследие используется для легитимации территориальных претензий»⁸.

Этот случай обнажает фундаментальную проблему: в условиях политического конфликта квалификация действий как «рейдерства» или «законной научной деятельности» зависит от признания юрисдикции и политической позиции наблюдателя. Криминологический анализ здесь неизбежно пересекается с политико-правовым [11].

Социокультурные аспекты рейдерства в сфере культурных ценностей

Рейдерство в сфере наследия было бы невозможно без определенных социокультурных предпосылок. Первая из них — коммодификация культуры. Когда исторические здания в центрах городов приобретают огромную рыночную стоимость, а музейные предметы — аукционную цену, культурное наследие превращается в «актив», привлекательный для перераспределения. Усадьба Лопухиных в центре Москвы, Николаевский дворец на площади Труда в Санкт-Петербурге, земля под курганами — во всех этих случаях экономическая ценность локации или объекта конкурирует с его культурной ценностью и нередко её перевешивает.

Вторая предпосылка — слабость институциональной защиты. Общественные музеи и некоммерческие организации культуры часто не располагают ресурсами для многолетних судебных тяжб, тогда как государственные структуры или аффилированные с ними бизнес-акторы имеют до-

ступ к административному ресурсу. Показательно, что в деле МЦР картины были изъяты «на хранение» в Музей Востока — структуру, изначально выступавшую истцом по иску о выселении⁹.

Третья предпосылка — «символическая» значимость наследия. Контроль над культурными институциями означает контроль над нарративами — о прошлом, о национальной идентичности, о ценностях. Вытеснение общественного музея, созданного в соответствии с волей жертвователя, — это не только имущественный спор, но и переопределение того, кто имеет право говорить от имени наследия. В этом смысле рейдерство в сфере культуры всегда имеет идеологическое измерение, даже если его непосредственные мотивы экономические.

Четвертая предпосылка — размытость границ между «государственным интересом» и частным интересом. Когда государство выступает истцом по делам о национализации исторических зданий, а затем передаёт их структурам, связанным с конкретными деятелями культуры или бизнесменами, грань между «возвращением наследия народу» и перераспределением активов становится практически неразличимой. Это создаёт пространство для злоупотреблений, которые формально выглядят как торжество закона.

Криминологический анализ рейдерства в сфере культурного наследия

С криминологической точки зрения рейдерство в сфере наследия представляет собой латентное и полиморфное явление. Его латентность обусловлена тем, что значительная часть практик осуществляется в квазиправовой форме: подделка документов, злоупотребление полномочиями, незаконная приватизация, вынесение заведомо неправосудных решений. Потерпевшие часто не имеют возможности доказать умысел или коррупционную составляющую.

Полиморфность выражается в том, что одно и то же деяние может квалифицироваться по-разному в зависимости от контекста: как самоуправство, как мошенничество, как превышение должностных полномочий, как незаконная приватизация или — в международном контексте — как военное преступление или преступление

⁸ См.: Leading Russian archaeologist arrested in Poland over Crimean excavations // The Art Newspaper. 2026. 6 March. URL: https://www.theartnewspaper.com/2026/03/06/russian-archaeologist-arrested-in-poland-over-crimean-excavations?utm_source=rss_feed&utm_medium=rss&utm_campaign=rss_syndication#1 (дата обращения: 25.08.2026).

⁹ Центр Перихов выселили из усадьбы Лопухиной // URL: <https://dnepr.news/news/zemlya-pod-kurganami-podgorodnogo-v-chastnyh-rukah-chto-budet-s-kul-turnym-naslediem-nacionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 25.08.2026).

против человечности. Международный уголовный суд в деле Al Mahdi (2016) признал уничтожение культурных объектов военным преступлением, подчеркнув «уникальную» и «сентиментальную» ценность культурного наследия и его роль в передаче ценностей будущим поколениям [6]. Однако эти механизмы применимы преимущественно к ситуациям вооружённого конфликта, тогда как «мирное» рейдерство остается вне их досягаемости.

Существует и обратная проблема: криминализация защиты наследия. В случае с российским законодательством о залоге при изъятии незаконно приватизированных земель под археологическими памятниками прокуроры фактически лишаются возможности подавать иски, поскольку не располагают средствами для внесения залога¹⁰. Это создает парадоксальную ситуацию, когда инструменты, призванные защищать права собственности, используются для блокирования защиты публичных интересов.

Рейдерство в сфере культурного наследия — это не маргинальный сюжет, а значимое явление на пересечении криминологии, социологии культуры и права. Оно

включает как квазиправовые практики вытеснения законных пользователей из исторических зданий, так и насильственные формы завладения культурными ценностями, а также политически мотивированные действия, квалификация которых зависит от признания юрисдикции.

Социокультурный анализ показывает, что наследие становится объектом рейдерства там, где сочетаются высокая рыночная стоимость активов, слабость институциональной защиты, символическая значимость и размытость границ между государственным и частным интересом. Криминологический анализ выявляет лабильность и полиморфность явления, а также проблемы квалификации, связанные с отсутствием адекватных правовых механизмов для реагирования на «мирные» формы завладения наследием.

Дальнейшее исследование темы требует междисциплинарного подхода, объединяющего криминологию, правоведение, социологию культуры и исследования культурного наследия. Практическая задача состоит в разработке механизмов, которые позволяли бы отличать законную реорганизацию культурных институций от рейдерского захвата, а также в создании правовых инструментов защиты общественных музеев и некоммерческих организаций культуры от недружественного поглощения.

Литература

1. Durney M., Proulx B. Art crime: a brief introduction // *Crime Law Soc Change*. 2011. Vol. 56. 115–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9316-3>
2. Gaudenzi B. The “Return of Beauty”? The politics of restitution of Nazi-looted art in Italy, the Federal Republic of Germany and Austria, 1945–1998 // *European Review of History*. 2021. Vol. 28, no. 2. P. 323–346.
3. Grove L. Heritocide? Defining and Exploring Heritage Crime. *Public Archaeology*. 2013. Vol. 12, no. 4. P. 242–254. DOI: <https://doi.org/10.1179/1465518714Z.00000000046>
4. Геритоцид? Определение и исследование преступлений против культурного наследия
5. Kathem M. Heritage Predation and the Pursuit Of Politics // *The Routledge Handbook of Heritage Destruction*. 2023. 11 p.
6. Naderi A. Attacking Identity: Why Cultural Heritage Trafficking Must Be Recognized as Crime Against Humanity // *The Boğaziçi Law Review*. 2026. Vol. 4. P. 89–133.
7. Ramirez-Trelles I., Vivoni M., Lopez-Figueroa J. Looted Artifacts: Historical Heists and Their Impact on Cultural Heritage // *Journal of Student Research*. 2024. Vol. 13, Iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v13i2.6689>
8. Silwal Sh. B. The Economics of Looting and Destruction of Cultural Heritage Sites and Objects // *Defence and Peace Economics*. 2023. Vol. 34, no. 2. P. 214–227. DOI: <https://doi.org/10.1080/10242694.2021.2007638>
9. Кочедыкова В. М. Методы противодействия рейдерским захватам // *Российский следователь*. 2023. № 12. С. 49–52. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-12-49-52>
10. Кочедыкова В. М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2025. № 1(44). С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73>

10. Кочедыкова В. М. Криминологическая характеристика рейдерства // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень, 2024. С. 366–368.
11. Манапова А. Ф. Криминологический портрет личности преступника, посягающего на культурные ценности (на примере ст. 164 УК РФ) // Вестник экономики, управления и права. 2026. Т. 19, № 1. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.47475/3034-4247-2026-19-1-48-54>.
12. Манапова А. Ф. Предупреждение преступных посягательств на культурные ценности народов // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 9. С. 362–367.
13. Скиданова Л. А. Рейдерство как социальный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 117. С. 309–314.

References

1. Durney M., Proulx B. Art crime: a brief introduction. *Crime Law Soc Change*. 2011. Vol. 56. 115–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9316-3>
2. Gaudenzi B. The “Return of Beauty”? The politics of restitution of Nazi-looted art in Italy, the Federal Republic of Germany and Austria, 1945–1998. *European Review of History*. 2021. Vol. 28, no. 2. P. 323–346.
3. Grove L. Heritocide? Defining and Exploring Heritage Crime. *Public Archaeology*. 2013. Vol. 12, no. 4. P. 242–254. DOI: <https://doi.org/10.1179/1465518714Z.000000000046>
4. Kathem M. Heritage Predation and the Pursuit Of Politics. *The Routledge Handbook of Heritage Destruction*. 2023. 11 p.
5. Naderi A. Attacking Identity: Why Cultural Heritage Trafficking Must Be Recognized as Crime Against Humanity. *The Boğaziçi Law Review*. 2026. Vol. 4. P. 89–133.
6. Ramirez-Trelles I., Vivoni M., Lopez-Figueroa J. Looted Artifacts: Historical Heists and Their Impact on Cultural Heritage. *Journal of Student Research*. 2024. Vol. 13, Iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.47611/jsrhrs.v13i2.6689>
7. Silwal Sh. B. The Economics of Looting and Destruction of Cultural Heritage Sites and Objects. *Defence and Peace Economics*. 2023. Vol. 34, no. 2. P. 214–227. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/10242694.2021.2007638>
8. Kochedykova V. M. Methods for Countering Corporate Raiding. *Rossiyskiy Sledovatel* [Russian Investigator]. 2023. No. 12. P. 49–52. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-12-49-52>.
9. Kochedykova V. M. Criminal Law Provision Regarding the Unlawful Exercise of Management Functions over a Legal Entity (Corporate Raiding): Structure of the Offense and Qualifying Elements. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2025. No. 1(44). P. 68–73. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73>.
10. Kochedykova V. M. Criminological Characteristics of Corporate Raiding. *Law in the Age of Artificial Intelligence: Future Challenges and Modern Tasks*: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Forum “VI Siberian Legal Readings”. Tyumen, 2024. P. 366–368. (Russ.).
11. Manapova A. F. Criminological profile of the offender targeting cultural assets (based on Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of Economics, Management and Law*. 2026. Vol. 19, No. 1. P. 48–54. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/3034-4247-2026-19-1-48-54>.
12. Manapova A. F. Prevention of criminal encroachments on the cultural assets of peoples. *Social Management*. 2024. Vol. 6, No. 9. P. 362–367. (Russ.).
13. Skidanova L. A. Corporate raiding as a social phenomenon. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. Issue 117. P. 309–314. (Russ.).

Сведения об авторе

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия); профессор кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России (г. Тюмень, Россия). E-mail: ab_majorov@mail.ru

Information about the author

Mayorov Andrey V. — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Chelyabinsk State University

(Chelyabinsk, Russia); Professor of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers, Tyumen Institute for Advanced Training of Internal Affairs Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tyumen, Russia). E-mail: ab_majorov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.08.2026

Дата рецензирования / Received: 30.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 10.09.2026

